Master Negative
Storage Number

OCI00055.08

Upustish' ogon' ne potushish'

Moskva

1855

Reel: 55 Title: 8

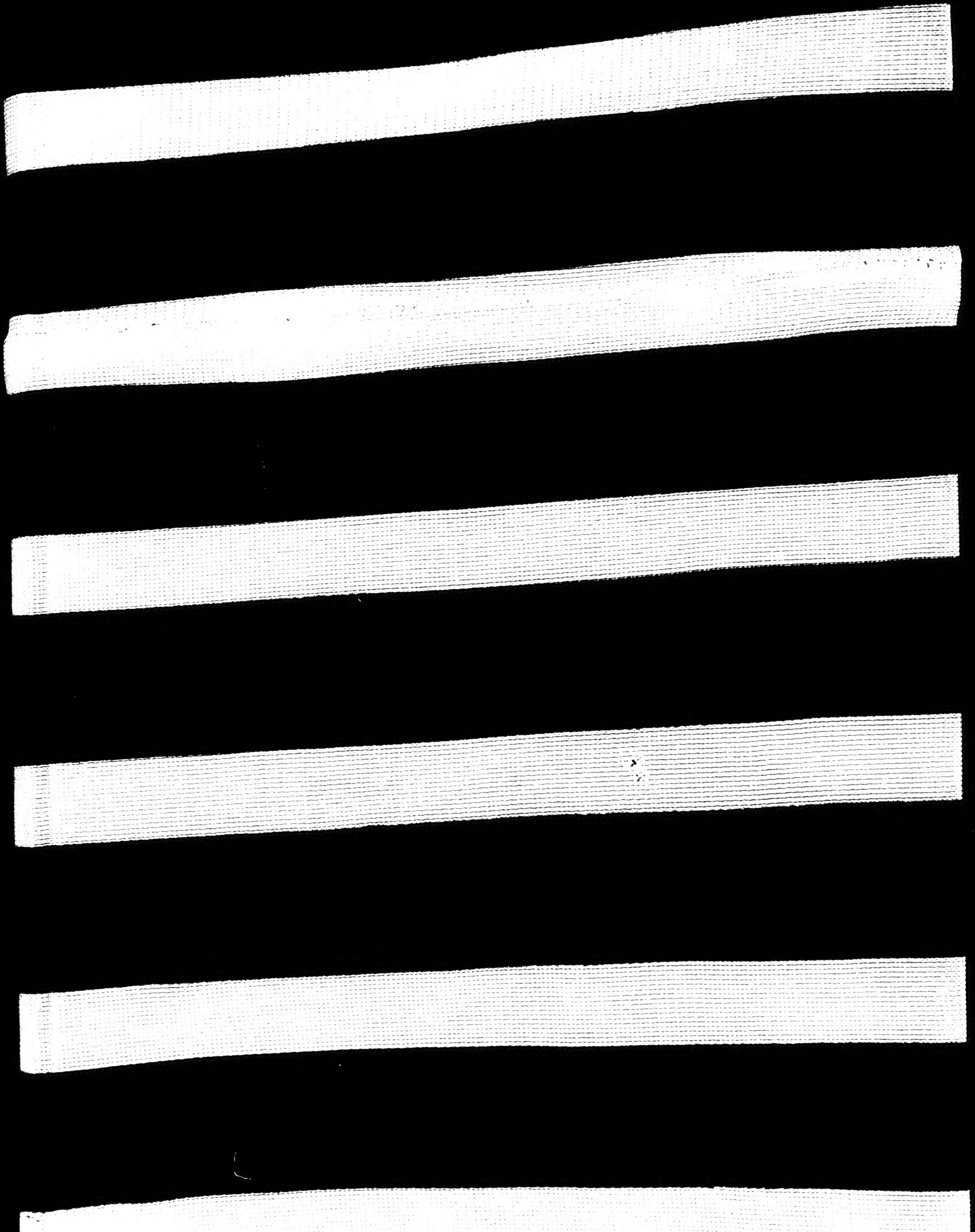
BIBLIOGRAPHIC RECORD TARGET
PRESERVATION OFFICE
CLEVELAND PUBLIC LIBRARY

RLG GREAT COLLECTIONS
MICROFILMING PROJECT, PHASE IV
JOHN G. WHITE CHAPBOOK COLLECTION

Master Negative Storage Number: OCI00055.08

Control Number: BGQ-6682
OCLC Number : 25475414
Call Number : W 381.5917R Up8 no. 1
Title : Upustish' ogon' ne potushish'
Imprint : Moskva : Tip. I.D. Sytina, 1855.
Format : 35 p. ; 17 cm.
Note : Illustrated covers.
Note : On t.p. penciled in: Tolstogo.
Subject : Chapbooks, Russian.
Added Entry : Tolstoy, Leo, graf, 1828-1910. Upustish' ogon' ne potushish' 1855.

MICROFILMED BY
PRESERVATION RESOURCES (BETHLEHEM, PA)
On behalf of the
Preservation Office, Cleveland Public Library
Cleveland, Ohio, USA
Film Size: 35mm microfilm
Image Placement: IIB
Reduction Ratio: 8:1
Date filming began: 11-01-94
Camera Operator: CS



w33

Упустишь огонь не потушишь.

Не въ силѣ Богъ а въ правдѣ.

УПУСТИШЬ

ОГОНЬ НЕ ПОТУШИШЬ.

МОСКВА.
Типографія И. Д. Сытина и Ко. Пятницкая, собств. д.
1885.

Дозволено Цензурою Москва, 30 Мая 1885 г.

УПУСТИШЬ

ОГОНЬ НЕ ПОТУШИШЬ.

OLOHP HE HOLAШEHIIP

λUλCꓕNПP

УПУСТИШЬ ОГОНЬ — НЕ ПОТУШИШЬ.

Тогда Петръ приступилъ къ Нему и сказалъ: Господи! сколько разъ прощать брату моему, согрѣшающему противъ меня? до семи ли разъ? (Матѳ. XVIII, 21).

Іисусъ говоритъ ему: не говорю тебѣ до семи, но до седмижды семидесяти разъ. (22).

Посему Царство Небесное подобно царю, который захотѣлъ сосчитаться съ рабами своими. (23).

Когда началъ онъ считаться, приведенъ былъ къ нему нѣкто, который долженъ былъ ему десять тысячъ талантовъ. (24).

А какъ онъ не имѣлъ, чѣмъ заплатить, то государь его приказалъ продать его и жену его, и дѣтей, и все, что онъ имѣлъ, и заплатить. (25).

Тогда рабъ тотъ палъ, и кланяясь ему говорилъ: государь! потерпи на мнѣ, и все тебѣ заплачу. (26).

Государь умилосердившись надъ рабомъ тѣмъ, отпустилъ его, и долгъ простилъ ему. (27).

Рабъ же тотъ, вышедши, нашелъ одного изъ товарищей своихъ, который долженъ былъ ему сто динаріевъ, и, схвативъ его, душилъ, говоря: отдай мнѣ, что долженъ. (28).

Тогда товарищъ его палъ къ ногамъ его, умолялъ его и говорилъ: потерпи на мнѣ, и все отдамъ тебѣ. (29).

Но тотъ не захотѣлъ, а пошелъ, и посадилъ его въ темницу, пока не отдастъ долга. (30).

Товарищи его, видѣвъ происшедшее, огорчились, и пришедши, разсказали государю своему все бывшее. (31).

Тогда государь его призываетъ его, и говоритъ: злой рабъ! весь долгъ тотъ я простилъ тебѣ, потому что ты упросилъ меня. (32).

Не надлежало ли и тебѣ помиловать товарища твоего, какъ и я помиловалъ тебя. (33).

И, разгнѣвавшись, государь его отдалъ его истязателямъ, пока не отдастъ ему всего долга. (34).

Такъ и Отецъ Мой небесный поступитъ съ вами, если не проститъ каждый изъ васъ отъ сердца своего брату своему согрѣшеній его. (35).

Жилъ въ деревнѣ крестьянинъ Иванъ Щербаковъ. Жилъ хорошо; самъ былъ въ полной силѣ, первый на селѣ работникъ, да три сына на ногахъ; одинъ же-

натый, другой женихъ, а третій подростокъ, съ лошадьми ѣздилъ и пахать зачиналъ. Старуха Иванова была баба умная и хозяйственная, и сноха попалась смирная и работящая. Жить-бы да жить Ивану съ семьей. Только не рабочихъ ртовъ во дворѣ и было, что одинъ старикъ отецъ больной. (Отъ удушья седьмой годъ на печи лежалъ). Всего было доводьно у Ивана — 3 лошади съ жеребенкомъ, корова съ подтелкомъ, 15 овецъ. Бабы обували, обшивали мужиковъ и въ полѣ работали; мужики крестьянствовали. — Хлѣба своего за новину переходило. Овсомъ подати и нужду всю справляли. Жить-бы да жить Ивану съ дѣтьми. Да дворъ объ дворъ жилъ съ нимъ сосѣдъ Гаврило—хромой—Гордѣя Иванова сынъ. И завелась съ нимъ у Ивана вражда.

Пока старикъ Гордѣй живъ былъ, и Ивана отецъ хозяйствовалъ, жили мужики пососѣдски. Понадобится сито бабамъ

или ушать, понадобится нужнаать ве-
ретье или колесо сменить до времени,
посылають изъ одного двора въ другой
и посостдени помогаютъ другъ другу.
Забываютъ телекъ въ гумно — сосъдъ и
только скажутъ: не чужкая, молъ; у насъ
ворохъ не уоранъ. А того, чтобы при-
тать, да запирать на гумнѣ или въ са-
раѣ или, клепать другъ на дружку, того
и въ заводѣ не было.

Такъ жили при старикахъ. А стали
хозяйствовать молодые — пошло другое.

Затѣялось все изъ пустаго.

Занеслась у Ивановой снохи рано куроч-
ка. Стала молодайка собирать къ святой
яйца. Что ни день, то идетъ за яичкомъ подъ
сарай въ телѣжный ящикъ. Только спугну-
ли, видно, ребята курицу, и перелетѣла
она черезъ плетень къ сосѣду и тамъ
снесла. Слышитъ молодайка кудахтаетъ
курочка, — думаетъ: теперь недосугъ, уб-
раться надо въ избѣ подъ праздникъ;
ужотко зайду, возьму. Пошла вечеромъ

подъ сарай къ телѣжному ящику — нѣтъ яичка. Стала молодайка спрашивать свекровь, деверя, — не брали-ли. Нѣтъ, говорятъ, не брали; а Тараска, деверь меньшой, говоритъ: твоя хохлатка на дворѣ у сосѣда снесла, тамъ кудахтала и оттуда прилетѣла. Посмотрѣла молодайка на свою хохлатку, сидитъ рядомъ съ пѣтухомъ на переметѣ, ужъ глаза завела, спать собралась. И спросила-бы у ней, гдѣ снесла, да не отвѣтитъ. И пошла молодайка къ сосѣдямъ. Встрѣчаетъ ее старуха.

Чего тебѣ молодка надо?

Да что, говоритъ, баушка, моя курочка къ вамъ нынче перелетала, не снесла-ли она яичка гдѣ?

— И видомъ не видали. У насъ свои Богъ далъ давно несутся. Мы своихъ собрали, а намъ чужихъ не надо. Мы дѣвушка по чужимъ дворамъ яйца собирать не ходимъ.

Обидно стало молодайкѣ, сказала слово

лишнее, сосѣдка еще два, и стали бабы ругаться. Шла Иванова жена съ водой, тоже ввязалась. Выскочила Гаврилова хозяйка, стала сосѣдку корить, помянула что было, да и того, чего не было, приплела. И пошла трескотня. Всѣ вдругъ кричатъ, наровятъ по два слова въ разъ выговорить. Да и слова-то все дурныя. Ты такая, ты сякая, да ты воровка, шлюха, ты и старика свекра моремъ моришь, ты безпоставочная.

— А ты побирушка, сито мое продрала. Да и коромысло-то у тебя наше, давай коромысло.

Ухватились за коромысло, воду пролили, платки сорвали, стали драться. Подъѣхалъ съ поля Гаврило, вступился за свою бабу. Выскочилъ Иванъ съ сыномъ, свалились въ кучу. Иванъ, мужикъ здоровый былъ, раскидалъ всѣхъ. Гаврилѣ клокъ бороды выдралъ. Сбѣжался народъ, насилу розняли.

Съ того началось.

INTENTIONAL SECOND EXPOSURE

подъ сарай къ телѣжному ящику — взять яички. Стала молодайка спрашивать свекровь, деверя, — не брали-ли. Нѣтъ, говорятъ, не брали: а Тараска деверь меньшой, — говоритъ: твоя хохлатка на дворѣ у сосѣда была, тамъ кудахтала и оттуда прилетѣла. Посмотрѣла молодайка на свою хохлатку, сидитъ рядомъ съ пѣтухомъ на переметѣ, глаза завела, спать собралась. И спросила-бы у ней, гдѣ снесла, да не отвѣтитъ. И пошла молодайка къ сосѣдямъ. Встрѣчаетъ ее старуха.

— Чего тебѣ, молодка, надо?

— Да что, говоритъ, бабушка, моя курочка къ вамъ нынче перелетала, не снесла-ли она яичка гдѣ?

— И видомъ не видали. У насъ свои Богъ далъ давно несутся. Мы своихъ собрали, а намъ чужихъ не надо. Мы, дѣвушка, по чужимъ дворамъ яйца собирать не ходимъ.

Обидно стало молодайкѣ, сказала слово

другое, сосѣдка еще два, и стали бабы ругаться. Шла Иванова жена съ водой, тоже ввязалась. Выскочила Гаврилова хозяйка, стала сосѣдку корить, помянула что было, да и что чего не было, прилгала. И пошла трескотня. Всѣ вдругъ кричатъ, норовятъ по два слова въ разъ выговорить. Да и слова-то все дурныя. Ты такая, ты сякая, да ты воровка, шлюха, ты и старика свекра моромъ моришь, ты бездоставочная.

— А ты побирушка, сито мое продрала. Да и коромысло-то у тебя наше, давай коромысло.

Ухватились за коромысло, воду пролили, платки сорвали, стали драться. Подъѣхалъ съ поля Гаврило, вступился за свою бабу. Выскочилъ Иванъ съ сыномъ, свалились въ кучу. Иванъ, мужикъ здоровый былъ, растолкалъ всѣхъ. Гаврилѣ клокъ бороды выдралъ. Сбѣжался народъ, насилу розняли.

Съ того началось.

Завернулъ Гаврило свой клокъ бороды въ грамотку, и поѣхалъ въ волостное судиться.

— Я, говоритъ, не затѣмъ ее растилъ, бороду-то, чтобъ мнѣ ее конопатый Ванька дралъ.

А жена его сосѣдямъ хвалится, что они теперь Ивана засудятъ, въ Сибирь сошлютъ, и пошла вражда.

Уговаривалъ ихъ еще съ первого дня, да не послушали молодые. Говорилъ онъ имъ:

— Пустое вы ребята дѣлаете, и изъ пустого дѣло заводите. Вѣдь подумайте, все дѣло у васъ изъ за яйца занялось. Подняли ребятишки яичко, ну, и Богъ съ нимъ, въ одномъ яйцѣ корысти немного. У Бога про всѣхъ хватитъ. Ну, дурное слово сказала, а ты его поправь, научи, какъ лучше сказать. Ну, подрались — грѣшные люди. Бываетъ и это. Ну, подите же проститесь, да и крышка всему. А на зло пойдете — вамъ хуже будетъ.

Не послушали молодые старика, думали, что все это старикъ не къ дѣлу говоритъ, а только по стариковски брюзжитъ.

Не покорился Иванъ сосѣду.

Я, говоритъ, ему бороды не рвалъ, онъ ее самъ себѣ выщипалъ, а его сынъ мнѣ пельки оборвалъ и всю рубаху на мнѣ. Вотъ она.

И поѣхалъ Иванъ судиться. Судились они и у Мироваго и у Волостнаго. Пока судились, пропалъ у Гаврилы изъ телѣги шкворень. Поклепали Гавриловы бабы этимъ шкворнемъ Иванова сына. Мы, говорятъ, видѣли, какъ онъ ночью мимо окна къ телѣгѣ подходилъ, а кума сказывала, онъ въ кабакъ заѣзжалъ, тамъ кабашнику шкворнемъ набивался. Опять стали судиться. А дома, что ни день, то брань, а то и драка. И ребята бранятся, у старшихъ научаются, и бабы на рѣчкѣ сойдутся не столько вальками бьютъ сколько языками стрекочутъ, и все на зло.

Сначала клепали мужики другъ на дружку, а потомъ и въ правду чуть что плохо лежитъ стали и таскать. И так и бабъ и ребятъ приучили. И стало житье ихъ все хуже и хуже. Судились Иванъ Щербаковъ съ Гавриломъ Хромымъ и на сходкахъ и волостномъ и у Мироваго, такъ что и судьямъ всѣмъ надокучили, то Гаврила Ивана подъ штрафъ подведетъ, или въ холодную, то Иванъ Гаврилу. И что больше они другъ дружкѣ накостили, то больше злились. Собаки схватятся: что больше дерутся, то больше остервеняются. Собаку сзади бьютъ, а она думаетъ, что это ее та кусаетъ, и еще пуще зарится. Такъ и эти мужики,—поѣдутъ судиться, ихъ накажутъ, того, либо другаго штрафомъ или арестомъ, и за все это у нихъ другъ на дружку сердце разгорается. „Погоди-же, молъ, я тебѣ все это выворочу“. И шло такъ у нихъ дѣло шесть годовъ.

То[illegible] старикъ [illegible] и все [illegible]. На[illegible] усовѣщевать: «Что вы, ребята, дѣлаете? Бросьте вы это [illegible] дѣло [illegible], а на лю-дей не злобьтесь, лучше будетъ. А что больше злобитесь, то хуже».

Не слушаютъ старика.

Вышло дѣло на седьмомъ году о томъ, что на свадьбѣ стала сноха Иванова Гаврилу при народѣ срамить, стала его уличать, что онъ съ лошадьми попался. Былъ Гаврило пьяный, не одержалъ своего сердца, ударилъ бабу, и зашибъ такъ, что она недѣлю лежала, а баба тяжелая была. Обрадовался Иванъ, поѣхалъ съ прошеніемъ къ слѣдователю. Теперь, думаетъ, развяжусь я съ сосѣдомъ, не миновать ему острога или Сибири. Да опять не вышло Иваново дѣло. Не принялъ слѣдователь прошенья, освидѣтельствовали бабу: баба встала и знаковъ нѣтъ. Поѣхалъ Иванъ къ мировому; и тотъ переслалъ дѣло въ волостное. Сталъ

Иванъ похлопоталъ въ волости съ писаремъ, съ старшиной [illegible] и выхлопоталъ, что приговорили высѣчь Гаврилѣ спину. Прочли Гаврилѣ въ судѣ рѣшенье.

Читаетъ писарь: судъ постановилъ: наказать крестьянина Гаврилу Гордѣева 20-ю ударами розогъ при Волостномъ Правленіи. Слушаетъ и Иванъ рѣшенье, и глядитъ на Гаврилу — что онъ теперь будетъ? Выслушалъ Гаврило, побѣлѣлъ какъ полотенце, повернулся и вышелъ въ сѣни. Вышелъ за нимъ Иванъ, хотѣлъ къ лошади, да услыхалъ говоритъ Гаврило:

Ладно, говоритъ, онъ мою спину высѣчетъ, загорится она у меня, да у него какъ-бы больнѣе чего не загорѣлось.

Услыхалъ эти слова Иванъ, тотчасъ вернулся къ судьямъ.

Судьи праведные! Онъ меня спалить грозитъ. Прислушайте при свидѣтеляхъ сказалъ, позвали Гаврилу.

— Правда, — говоритъ Гаврило, — ничего не говорилъ. Спасибо, коли вина здѣсь есть. Видно, одному за мою правду страдать, ему все можно.

Хотѣлъ еще что-то сказать Гаврило, да затряслись у него губы и щеки, и онъ отвернулся къ стѣнкѣ. Испугались даже судьи, глядя на Гаврилу. Какъ бы, думаютъ, онъ и впрямь чего худого надъ собою не сдѣлалъ.

И сталъ старичекъ-судья говорить: „А вотъ что, братцы, сойдитесь вы лучше добромъ. Ты, братъ Гаврило, развѣ хорошо сдѣлалъ, что тяжелую бабу ударилъ. Вѣдь хорошо, Богъ помиловалъ, а то какой бы грѣхъ сдѣлалъ. Развѣ хорошо? Ты повинись, да поклонись ему. А онъ проститъ. Мы это рѣшеніе перепишемъ".

Услыхалъ это писарь и говоритъ: „Это нельзя, потому что по основанію 117-й ст. миролюбивое соглашеніе не состоялось, а состоялось рѣшеніе суда, и рѣшеніе должно войти въ законную

Но судья не сталъ слушать писаря. — Будетъ, говоритъ, языкомъ чесать-то. Первая статья, братъ, одна: Бога помнить надо, а Богъ велѣлъ помириться.

И сталъ судья опять уговаривать мужиковъ, да не уговорилъ. Не сталъ Гаврило слушать.

— Мнѣ, говоритъ, безъ году пятьдесятъ, у меня сынъ женатый, а битъ я отродясь не былъ, а теперь меня конопатый Ванька подъ розги привелъ, да мнѣ же ему поклониться! Ну, да будетъ! Попомнитъ меня и Ванька!

Задрожалъ опять голосъ у Гаврилы. Не могъ больше говорить. Повернулся и вышелъ.

Отъ волости до двора десять верстъ было и вернулся Иванъ домой поздно. Ужъ бабы вышли скотину встрѣчать. Отпрегъ онъ лошадь, убрался и вошелъ въ избу. Въ избѣ никого не было. Ребята съ поля еще не ворочались, а бабы скотину встрѣчали. Вошелъ Иванъ, сѣлъ на

[illegible] задумался. Вспомнилъ онъ, какъ Гаврила трепалъ его за бороду и какъ онъ побѣжалъ отъ него, не повернулся. И защемило у него сердце. Пришла ему мысль въ голову: а хорошо ли я все сдѣлалъ? И жалко ему стало Гаврилы. И слышитъ онъ — закашлялся старикъ на печи, поворочался, спустилъ ноги и полѣзъ съ печи. Сползъ старикъ, протащился до лавки и сѣлъ. Умаялся до лавки доползти, кашлялъ. Кашлялъ старикъ, откашлялся, оперся на столъ и говоритъ:

— Что же, присудили?

Иванъ говоритъ: — 20 розогъ присудили.

Помоталъ головой старикъ.

— Худо, говоритъ, Иванъ, ты дѣлаешь. Охъ, худо. Не ему, себѣ худо дѣлаешь. Ну, выпорятъ ему спину, тебѣ-то полегчаетъ, что ли?

— Впередъ не будетъ, сказалъ Иванъ.

— Чего не будетъ? Чѣмъ онъ хуже тебя дѣлаетъ?

— Какъ, чего онъ мнѣ сдѣлалъ? загово-

Но судья не послушалъ писаря. И —

— Будетъ, говоритъ, языкомъ чесать-то. Первая статья, братъ, одна: Бога помнить надо, а помириться Богъ велѣлъ.

И сталъ судья опять уговаривать мужиковъ, да не уговорилъ. Не сталъ Гаврило слушать.

— Мнѣ, говоритъ, безъ году пятьдесятъ, у меня сынъ женатый и битъ я отродясь не былъ, а теперь меня конопатый Ванька подъ розги привелъ, да я же ему поклонись! Ну, да будетъ. Попомнитъ меня и Ванька!

Задрожалъ опять голосъ у Гаврилы. Не могъ больше говорить. Повернулся и вышелъ.

Отъ волости до двора десять верстъ было и вернулся Иванъ домой поздно. Ужъ бабы вышли скотину встрѣчать. Отпрегъ онъ лошадь, убрался и вошелъ въ избу. Въ избѣ никого не было. Ребята съ поля не ворочались, а бабы скотину встрѣчали. Вошелъ Иванъ, сѣлъ на

вопросы и задумался. Вспомнилъ онъ, какъ Гаврило трёпалъ, оробѣлъ, и какъ онъ побѣлѣлъ и къ стѣнѣ повернулся. И защемило ему сердце. Примѣрилъ онъ къ себѣ, какъ бы его самого присудили. И жалко ему стало Гаврилы. И слышитъ онъ, закашлялся старикъ на печи, поворочался, спустилъ ноги и полѣзъ съ печи. Сползъ старикъ, протащился до лавки и сѣлъ. Уморился до лавки, долго кашлялъ; откашлялся старикъ, оперся на столъ и говоритъ:

— Что жъ? Присудили?

Иванъ говоритъ: 20 розогъ присудили.

Покачалъ головой старикъ.

— Худо, говоритъ, Иванъ, ты дѣлаешь. Охъ, худо. Не ему, себѣ худо дѣлаешь. Ну, выпорятъ ему спину, тебѣ-то полегчаетъ, что ли?

— Впередъ не будетъ, сказалъ Иванъ.

— Чего не будетъ-то? Чѣмъ онъ хуже тебя дѣлаетъ?

— Какъ, чего онъ мнѣ сдѣлалъ? загово-

рилъ. Иванъ бабу чуть до смерти убилъ, да онъ и теперь лежитъ грѣшный. Чтожь, онъ одинъ за это?

Воздохнулъ старикъ и говоритъ: По всему, Иванъ, вольному свѣту ходишь и ѣздишь, а я на печи который годъ лежу, ты и думаешь, что ты все видишь, а я ничего не вижу. Нѣтъ, малый, тебѣ ничего не видно: тебѣ злоба глаза заметила. Чужіе-то грѣхи передъ собой, а свои за спиной. Что сказать: онъ худо дѣлаетъ! кабы онъ одинъ худо дѣлалъ, зла бы не было. Развѣ зло промежъ людьми отъ одного заводится? Зло промежъ двоихъ. Его плохоту тебѣ видно, а свою не видать. Кабы онъ одинъ былъ золъ, а ты бы хорошъ, зла бы не было. Бороду-то ему кто выдралъ? Копну-то испольную кто подвалилъ? А по судамъ-то кто его волочилъ? А все на него воротишь. Самъ плохо живешь, оттого и худо. Не такъ я, братъ, жилъ и не тому васъ училъ. Мы со старикомъ,

съ отцомъ [illegible], жили?
Мы какъ жили? хорошо, по-сосѣдски. У него мука выйдетъ — баба придетъ: дядя Фролъ, муки надо. — Иди, бабочка, въ амбаръ, насыпай сколько надо. У него некого съ лошадьми послать, — ступай Ванятка, сведи его лошадей. А у меня чего нехватка, — иду къ нему: Дядя Гордей, того-то, того-то надо. Бери, дядя Фролъ. Такъ у насъ шло. И вамъ житье легкое было. А теперь что? Вотъ, намедни, солдатъ про Плевну сказывалъ. Что-жъ, у васъ теперь война хуже Плевны. Развѣ это житье? А грѣхъ-то! Ты мужикъ, ты хозяинъ въ дому. Съ тебя спросится. Ты чему своихъ бабъ, да ребятъ учишь? Собачиться. Намедни Тараска, и тотъ со мной тетку Арину костить по-матери, а мать на него смѣется. Развѣ это добро? Вѣдь съ тебя спросится. Ты объ душѣ-то подумай. Развѣ такъ надо? Ты мнѣ слово — а я два, ты мнѣ плюху, а я тебѣ двѣ. Нѣтъ, малый, Христосъ по землѣ

ходилъ, не тому насъ, дураковъ, училъ. Тебѣ слово, а ты смолчи, его самого совѣсть обличитъ. Вотъ какъ Онъ насъ, батюшка, училъ. Тебѣ щеку, а ты подставь другую. На, молъ, бей, коли я того стою. А его совѣсть-то и зазритъ. Онъ и смирится, и тебя послушаетъ. Такъ-то Онъ намъ приказывалъ, а не гордыбачить. Чтожъ молчишь? Такъ ли я говорю?

Молчитъ Иванъ, слушаетъ.

Закашлялся старикъ и насилу отплевался, опять сталъ говорить: Ты думаешь Христосъ-то насъ худому училъ. Вѣдь все для насъ же, для добра. Ты объ земномъ житьѣ-то своемъ подумай: что тебѣ лучше, али хуже стало съ тѣхъ поръ, какъ эта Плевна у васъ завелась. Ты посчитай-ка, что ты провелъ добра на суды, что ты проѣздилъ, да прохарчилъ? У тебя сыновья-то какіе орлы поднялись, тебѣ бы жить да жить, да въ гору идти, а у тебя достатокъ убывать сталъ.

А отчего? Все оттого. Отъ гордости спѣси твоей. Тебѣ напротивъ ребятишекъ дѣло нахотѣлось да самому разъѣзжать, а тебя врагъ въ судъ да къ стряпчему на-вому гонитъ. Не во время пропадешь, не во время посѣешь, а нива матушка и не родитъ. Оттого-то отчего и нива не родилось? Ты когда сѣялъ? Изъ города пріѣхалъ. А что выступилъ? Себѣ на шею! Эхъ, милый ты мой! По-мни, зорочей съ ребятами на пашнѣ, да въ дому, а обидѣлъ тебя кто, такъ ты Божьи прости, а по дѣлу-то тебѣ ль-готнѣе тебѣ будетъ, а на душѣ-то легость у тебя всегда будетъ.

Молчитъ Иванъ.

— Такъ вотъ что Ваня. Послушай ты меня старика. Коли ты въ управѣ чаешь, поѣзжай-ка ты къ головѣ въ правленіе, припади [illegible] дѣла [illegible] его на [illegible] Гавриловича, попроси ты его [illegible] по-божески, дай [illegible] себѣ, говори, завтра-де праздникъ (дѣло было подъ

ходилъ, да не тому насъ, дураковъ, училъ. Тебѣ слово, а ты смолчи — его совѣсть обличитъ. Вотъ какъ Онъ, батюшка, училъ. Тебѣ плюху, а ты подставь другую: на, бей, коли я того стою. А его совѣсть и зазритъ. Онъ и смирится, тебя послушаетъ. Такъ-то Онъ намъ приказывалъ, а не гордиться. Что-жъ молчишь? Такъ ли я говорю?

Молчитъ Иванъ, слушаетъ.

Закашлялся старикъ, насилу откашлялся, опять сталъ говорить. — Ты думаешь Христосъ-то насъ худому училъ. Вѣдь все для насъ же, для добра. Ты объ земномъ житьѣ-то своемъ подумай, что тебѣ лучше, али хуже стало съ тѣхъ поръ, какъ Плевна у васъ завелась. Ты посчитай-ка, что ты провелъ добра на суды, что ты проѣздилъ, да проѣдалъ? У тебя сыновья какіе орлы поднялись, тебѣ бы жить да жить, да въ гору идти, а у тебя достатокъ убывать сталъ.

А отчего? Все [illegible] отъ гордости
твоей. Тебѣ надо [illegible] ребятами [illegible]
[illegible] на самого [illegible], а тебя
врагъ [illegible]
[illegible] Не [illegible]
не [illegible]
не родимы. [illegible]
дило? Ты когда [illegible] Изъ города
пріѣхалъ. А кто [illegible]? Себѣ на
шею. Эхъ, малой, ты [illegible] По[illegible]
ни, [illegible] ребятами на памяти,
да въ дому, а обидѣлъ тебя кто, [illegible]
по [illegible] Божьи [illegible] дѣлу [illegible]
го [illegible] тебѣ будетъ [illegible]-то [illegible]
у тебя всегда будетъ [illegible]
Молодецъ Иванъ [illegible]
Такъ вотъ что, Ваня! Послушай ты
[illegible] Вставай [illegible]
поѣзжай [illegible] изъ правле-
нія [illegible]
[illegible]
[illegible]
завтра [illegible]

Рождество Богородицы), поставь само-
варчикъ, позови Гаврилу, и развяжи-
те всѣ грѣхи, чтобы впередъ ихъ не
было, и ребятамъ и бабамъ закажи.

Вздохнулъ Иванъ, думаетъ: правду старикъ говоритъ, и отошло у него совсѣмъ сердце. Только не знаетъ, какъ дѣло это сдѣлать, какъ помириться теперь.

И началъ опять старикъ, точно угадалъ: Поди, Ваня, не откладывай. Туши огонь въ началѣ, а разгорится, не затушишь.

Хотѣлъ еще что-то сказать старикъ, да не договорилъ, пришли бабы въ избу, защекотали какъ сороки. До нихъ уже всѣ вѣсти дошли, и какъ Гаврилу присудили розгами, и какъ онъ поджечь грозился. Всё узнали и отъ себя прибавили и ругаться съ Гавриловыми бабами на выгонѣ успѣли побраниться. Стали разсказывать, какъ Гаврилова сноха грозилась черезъ производителя. Производитель, молъ, Гаврилѣ руку тянетъ. Онъ

теперь все дѣло перевернетъ, а учитель, коли ужъ дороже прежняго къ самому Царю на Ивана напишетъ въ прошеніи всѣ дѣла пропишетъ и объ загородѣ и объ огородѣ, и половина усадьбы теперь къ нимъ перейдетъ. Послушалъ эти рѣчи Иванъ, и застыло у него опять сердце и раздумалъ мириться съ Гаврилой.

У хозяина во дворѣ всегда дѣла много. Не сталъ съ бабами говорить Иванъ, а всталъ и вышелъ изъ избы, пошелъ на гумно и въ сарай. Пока убрался тамъ да вернулся во дворъ, ужъ и солнышко зашло, подъѣхали и ребята съ поля. Они яровое подъ зиму на двоемъ пахали. Встрѣтилъ ихъ Иванъ, поразспросилъ про работу, пособилъ убраться, отложилъ хомутъ разорванный починить, хотѣлъ еще убрать жерди подъ сарай, да ужъ вовсе смерклось. Оставилъ Иванъ жерди до завтраго, а подкинулъ скотинѣ корму, отворилъ ворота, выпустилъ Тараску съ лошадьми на улицу

ѣхать [illegible] нечего [illegible]
[illegible] Вечеромъ [illegible]
подумалъ Иванъ, [illegible]
[illegible] и [illegible] изъ [illegible] онъ въ
тому времени [illegible] Гаврилу и про то,
что отецъ говорилъ. Только [illegible] за
[illegible] выходитъ [illegible], слышитъ изъ-
за плетня ругается на кого-то сосѣдъ
хриплымъ голосомъ, на кой его дьявола,
кричитъ на кого-то, Гаврило: — Убить
его стоитъ. Такъ и всколыхнулось у Ивана
отъ этихъ словъ все прежнее зло на со-
сѣда. Постоялъ онъ, послушалъ, покуда
Гаврила ругался. Затихъ Гаврило, по-
шелъ и Иванъ въ избу. Вошелъ онъ въ избу.
Въ избѣ засвѣтили огонь; молодайка
въ углу сидитъ за прялкой, старуха ужи-
нать собираетъ, старшій сынъ оборки
вьетъ на лапти, второй у стола сидитъ
съ книжкой, Тараска въ ночное уби-
рается.

Въ избѣ все хорошо, весело, кабы не
зазноба эта — сосѣдъ лихой.

Вошелъ Иванъ сердитый сбросилъ кошкусъ лавки и бабъ разбранилъ, что у нихъ лахань не на-мѣстѣ. И скучно стало Ивану, сѣлъ онъ нахмурился, и сталъ хомуты чинить, и не идутъ у него изъ головы Гавриловы слова, какъ онъ на судѣ погрозился, и какъ сейчасъ прохрипѣлъ хриплымъ голосомъ про кого-то: убить его стоитъ.

Собрала старуха Тараскѣ ужинать, поѣлъ онъ, надѣлъ шубенку, кафтанъ, подпоясался, взялъ хлѣба и пошелъ на улицу къ лошадямъ. Хотѣлъ его старшій братъ проводить, да Иванъ самъ всталъ и вышелъ на крыльцо. На дворѣ ужъ вовсе темно черно стало, наволокло и поднялся вѣтеръ. Сошелъ Иванъ съ крыльца, подсадилъ сынишку, пугнулъ за нимъ жеребенка и постоялъ, посмотрѣлъ, послушалъ, какъ поѣхалъ Тараска внизъ по деревнѣ, какъ съѣхался съ другими ребятами, и какъ всѣ они выѣхали изъ слуха вонъ. Постоялъ, постоялъ Иванъ у воротъ и не

INTENTIONAL SECOND EXPOSURE

ѣхать [illegible] ночное [illegible] [illegible] подсобить да и смотрѣть подумалъ Иванъ, [illegible] нѣй, и пошелъ [illegible] избу. [illegible] въ тому времени и про Гаврилу и про то что отецъ говорилъ. Только вышелъ за крыльцо выходитъ въ уличку, слышитъ изъ за плетня ругается на кого-то сосѣдъ хриплымъ голосомъ; на кой его дьявола, кричитъ на кого-то, Гаврила. — Убить его стоитъ. Такъ и вскипѣло у Ивана отъ этихъ словъ все прежнее зло на сосѣда. Постоялъ онъ, послушалъ, покуда Гаврила ругался. Затихъ Гаврила, пошелъ и Иванъ въ избу. Вошелъ онъ въ избу. Въ избѣ засвѣтили огонь; молодайка въ углу сидитъ за пряхой, старуха ужинать собираетъ, старшій сынъ оборки вьетъ на лапти, второй у стола сидитъ съ книжкой, Тараска въ ночное убирается.

Въ избѣ все хорошо, весело, кабы не зазноба эта — сосѣдъ лихой.

Вошелъ Иванъ сердитый сбросилъ кошку съ лавки и бабъ разбранилъ, что у нихъ лахань не на-мѣстѣ. И скучно стало Ивану, сѣлъ онъ нахмурился, и сталъ хомутъ чинить, и не идутъ у него изъ головы Гавриловы слова, какъ онъ на судѣ погрозился, и какъ сейчасъ прокричалъ хриплымъ голосомъ про кого-то: убить его стоитъ.

Собрала старуха Тараскѣ ужинать, поѣлъ онъ, надѣлъ шубенку, кафтанъ, подпоясался, взялъ хлѣба и пошелъ на улицу къ лошадямъ. Хотѣлъ его старшій братъ проводить, да Иванъ самъ всталъ и вышелъ на крыльцо. На дворѣ ужъ во-все темно черно стало, наволокло и поднялся вѣтеръ. Сошелъ Иванъ съ крыльца, подсадилъ сынишку, пугнулъ за нимъ жеребенка и постоялъ, посмотрѣлъ, послушалъ, какъ поѣхалъ Тараска внизъ по деревнѣ, какъ съѣхался съ другими ребятами, и какъ всѣ они выѣхали изъ слуха вонъ. Постоялъ, постоялъ Иванъ у воротъ и не

выходятъ у него изъ головы Гавриловы
слова: „какъ-бы у тебя больше не заго-
рѣлось“?

И себя думаетъ Иванъ не дождѣетъ.
Сушь стоитъ, да еще вѣтеръ. Зайдетъ
гдѣ съ задовъ, сунетъ огонь, да и былъ
таковъ, сожжетъ злодѣй да и правъ оста-
нется. Вотъ, кабы накрыть его, ужъ не
ушелъ-бы. И такъ запала эта Ивану
думка въ голову, что не пошелъ онъ на-
задъ на крыльцо, а прямо сошелъ на
улицу и за-ворота, за уголъ. „Дай обойду
дворъ. Кто его знаетъ“. И пошелъ Иванъ
тихой ступней вдоль воротъ. Только за-
шелъ онъ за уголъ, поглядѣлъ вдоль
плетня и покажись ему, что на томъ
углѣ что-то мотнулось, какъ будто вы-
сунулось и опять спряталось за уголъ.
Остановился Иванъ и притихъ,—слу-
шаетъ и смотритъ: все тихо только вѣ-
теръ листочки на лозинѣ треплетъ и по
соломѣ шуршитъ. То было темно, хоть
глазъ выткни, а то пригляделись глаза въ

темноту. И видитъ Иванъ весь уголъ и соху и застрѣху. Постоялъ онъ посмотрѣлъ: нѣтъ никого.

„Видно померещилось", подумалъ Иванъ; [illegible] кра- дусь [illegible] — [illegible] Иванъ тихо [illegible] Дошелъ [illegible] угла [illegible] бле- снуло [illegible] и ударило Ивана въ сердце, и остановился онъ. Только остановился онъ на томъ-же мѣстѣ вспыхнуло ярче, и явственно видно, сидитъ на корточкахъ къ нему спиною человѣкъ въ шапкѣ и соломы пучекъ въ рукахъ разжигаетъ. Забилось у Ивана сердце въ груди какъ птица, и напружился онъ весь и зашагалъ большими шагами. Самъ подъ собою ногъ не слышитъ. „Ну, думаетъ, теперь не уйдетъ, на мѣстѣ захвачу".

Не дошелъ Иванъ еще двухъ прогалковъ, какъ вдругъ засвѣтилось ярко, ярко,

да уже не на томъ мѣстѣ и не маленькій огонекъ, а полымемъ вспыхнула солома подъ застрѣхой и на крышу несетъ и Гаврило стоитъ и всего его видно.

— Какъ [illegible], [illegible] бросился Иванъ на [illegible]. — Сцапаю, думаетъ, не уйдетъ теперь. Да услыхалъ видно хромой шаги, оглянулся и откуда прыть взялась, заковылялъ какъ заяцъ вдоль забору.

— Не уйдешь, закричалъ Иванъ и налетѣлъ на него.

Только онъ хотѣлъ ухватить его за шиворотъ, вывернулся у него изъ подъ рукъ Гаврило и поймался Иванъ за полу. Пола оборвалась и упалъ Иванъ. Вскочилъ Иванъ. караулъ! Держи! и побѣжалъ опять.

Пока онъ поднимался Гаврило уже былъ у своего двора, но и тутъ Иванъ настигъ его. И только хотѣлъ сцапать, какъ вдругъ оглаушило его что-то по головѣ, какъ камнемъ ударило по темени. Это Гаврило у двора поднялъ дубовый колъ, и

когда Иванъ подбѣгалъ къ нему, со всего маху ударилъ его въ голову.

Очумѣлъ Иванъ, посыпались у него искры изъ глазъ, потомъ потемнѣло и зашатался онъ. Когда онъ опомнился Гаврилы не было, было свѣтло какъ днемъ и со стороны его двора, какъ машина шла, гудѣло и трещало что-то. Иванъ повернулся и увидалъ, что задній сарай его полыхалъ весь, боковой сарай захватило; и огонь и дымъ и оскретки соломы съ дымомъ гнало на избу.

„Что же это? Братцы!“ вскрикнулъ Иванъ, поднялъ руки и хлопнулъ ими себя по ляжкамъ. Вѣдь, мнѣ-бы только выдернуть изъ застрѣхи, да затоптать.

„Что-же это? Братцы! повторилъ онъ Хотѣлъ закричать духъ захватило,—голоса не было. Хотѣлъ бѣжать—ноги не двигались—одна за другую цѣплялась. Пошелъ шагомъ зашатался, опять духъ захватило. Постоялъ отдышался опять. пошелъ. Покуда онъ обошелъ сарай, и

да уже не на томъ мѣстѣ и не маленькій огонекъ, а полымемъ вспыхнула солома подъ застрѣхой и на крышу несетъ, и Гаврило стоитъ и всего его видно.

— Накажи [illegible] бросился Иванъ на [illegible] — Гаврилу, [illegible] уйдетъ теперь. [illegible] мой [illegible] ва[illegible] лась, заковылялъ [illegible]

Не [illegible] Иванъ и [illegible] тѣлъ [illegible].

Только онъ хотѣлъ ухватить его за шиворотъ, вывернулся у него изъ подъ рукъ Гаврило и помчался Иванъ за полу. Пола оборвалась и упалъ Иванъ. Вскочилъ Иванъ. караулъ! Держи! и побѣжалъ опять.

Пока онъ поднимался Гаврило уже былъ у своего двора, но и тутъ Иванъ настигъ его. И только хотѣлъ сцапать, какъ вдругъ оглаушило его что-то по головѣ, какъ камнемъ ударило по темени. Это Гаврило у двора поднялъ дубовый колъ, и

когда Иванъ подбѣгалъ къ нёму, со всего маху ударилъ его въ голову.

Очумѣлъ Иванъ, посыпались у него искры изъ глазъ, потомъ потемнѣло и зашатался онъ. Когда онъ опомнился Гаврилы не было, было свѣтло какъ днемъ и со стороны его двора, какъ машина шла, гудѣло и трещало что-то. Иванъ повернулся и увидалъ, что заднiй сарай его полыхалъ весь, боковой сарай захватило; и огонь и дымъ и оскретки соломы съ дымомъ гнало на избу.

„Что же это? Братцы!" вскрикнулъ Иванъ, поднялъ руки и хлопнулъ ими себя по ляжкамъ. Вѣдь, мнѣ-бы только выдернуть изъ застрѣхи, да затоптать.

„Что-же это? Братцы! повторилъ онъ Хотѣлъ закричать духъ захватило,—голоса не было. Хотѣлъ бѣжать—ноги не двигались—одна за другую цѣплялась. Пошелъ шагомъ зашатался, опять духъ захватило. Постоялъ отдышался опять. пошелъ. Покуда онъ обошелъ сарай, и

дошелъ до пожара, боковой сарай весь полыхалъ, захватило уже и уголъ избы и ворота, и изъ избы валилъ огонь, и ходу во дворъ не было. Народу сбѣжалось много, но дѣлать нечего было. Сосѣди вытаскивали свое, и сгоняли со дворовъ свою скотину. Послѣ Иванова занялся Гаврилинъ дворъ, поднялся вѣтеръ, перекинуло черезъ улицу. Снесло половину деревни.

У Ивана только вытащили старика, да сами повыскочили въ чемъ были, а то все осталось, кромѣ лошадей въ ночномъ, вся скотина сгорѣла, куры погорѣли на насѣстяхъ, телѣги, сохи, бороны, бабьи сундуки, хлѣбъ въ закромахъ, все сгорѣло.

У Гаврилы скотину выгнали, и кое-что повытаскали.

Горѣло долго, всю ночь. Иванъ стоялъ около своего двора, смотрѣлъ и только все приговаривалъ: „Чтожъ это? братцы! Только бы выхватить, да затоптать“. Но когда завалился потолокъ въ избѣ, онъ полѣзъ въ самый жаръ,

ухватилъ обгорѣлое бревно и хотѣлъ тащить его. Бабы увидали его и стали звать назадъ, но онъ вытащилъ бревно и полѣзъ за другимъ, да пошатнулся и упалъ на огонь. Тогда сынъ полѣзъ за нимъ и вытащилъ его. Спалилъ себѣ Иванъ и бороду и волосы, прожегъ платье и опортилъ руки и ничего не чуялъ. „Съ горя одурѣлъ“, говорилъ народъ. Сталъ пожаръ утихать, а Иванъ все стоялъ и только приговаривалъ: „Братцы, что жъ это? Только бы выхватить“. Къ утру прислалъ за Иваномъ староста сына.

„Дядя Иванъ, твой родитель помираетъ, велѣлъ тебя звать проститься“.

Забылъ Иванъ и про отца, и не понялъ, что ему говорятъ. — „Какой, говоритъ, родитель? Кого звать?“

— Велѣлъ тебя звать проститься, онъ у насъ въ избѣ помираетъ. Пойдемъ, дядя Иванъ, сказалъ старостинъ сынъ — и потянулъ его за руку. Иванъ пошелъ за старостинымъ сыномъ.

Старика, когда выносили, окинуло со-
ломой съ огнемъ и обожгло. Его снесли
къ старостѣ на дальнюю слободу. Слобода
эта не сгорѣла.

Когда Иванъ пришелъ къ отцу, въ из-
бѣ была только одна старушка старости-
ха и ребята на печкѣ. Всѣ были на по-
жарѣ. Старикъ лежалъ на лавкѣ съ свѣч-
кой въ рукѣ и косился на дверь. Когда
сынъ вошелъ, онъ зашевелился. Старуха
подошла къ нему и сказала, что при-
шелъ сынъ. Онъ велѣлъ позвать его бли-
же. Иванъ подошелъ, и тогда старикъ
заговорилъ:

„Что Ванятка, сказалъ онъ, — говорилъ я
тебѣ. Кто сжегъ деревню?

— Онъ, батюшка, сказалъ Иванъ, онъ
я и засталъ его. При мнѣ онъ и огонь
въ крышу сунулъ. Мнѣ бы только выхва-
тить клокъ соломы съ огнемъ, да затоп-
тать и ничего бы не было.

— Иванъ, сказалъ старикъ. Моя смерть

пришла, и ты помирать будешь. Чей грѣхъ!

— Иванъ уставился на отца и молчалъ, ничего не могъ выговорить.

— Передъ Богомъ говори: чей грѣхъ? Что я тебѣ говорилъ?

Тутъ только очнулся Иванъ и все понялъ. И засопѣлъ онъ носомъ и сказалъ: Мой, батюшка! И палъ на колѣни передъ отцомъ, заплакалъ и сказалъ: Прости меня, батюшка, виноватъ я передъ тобой и передъ Богомъ.

Старикъ подвигалъ руками, перехватилъ въ лѣвую руку свѣчку и потащилъ правую ко лбу, хотѣлъ перекреститься, да не дотащилъ и остановился.

— Слава Тебѣ Господи! Слава Тебѣ Господи! сказалъ онъ, и скосилъ глаза опять на сына.

— Ванька! А Ванька!

— Что, батюшка?

— Чтожъ надо дѣлать теперь?

Иванъ все плакалъ.

INTENTIONAL SECOND EXPOSURE

Старика, когда выносили, окинуло соломой съ огнемъ и обожгло. Его снесли къ старостѣ на дальнюю слободу. Слобода эта не сгорѣла.

Когда Иванъ пришелъ къ отцу, въ избѣ была только одна старушка старостина и ребята на печкѣ. Всѣ были на пожарѣ. Старикъ лежалъ на лавкѣ съ свѣчкой въ рукѣ и косился на дверь. Когда сынъ вошелъ, онъ зашевелился. Старуха подошла къ нему и сказала, что пришелъ сынъ. Онъ велѣлъ позвать его ближе. Иванъ подошелъ, и тогда старикъ заговорилъ:

„Что Ванятка, сказалъ онъ, — говорилъ я тебѣ. Кто сжегъ деревню?

— Онъ, батюшка, сказалъ Иванъ, онъ я и засталъ его. При мнѣ онъ и огонь въ крышу сунулъ. Мнѣ бы только выхватить клокъ соломы съ огнемъ, да затоптать и ничего бы не было.

— Иванъ, сказалъ старикъ. Моя смерть

пришла, и ты помирать будешь. Чей грѣхъ!

— Иванъ уставился на отца и молчалъ ничего не могъ выговорить.

— Передъ Богомъ говори: чей грѣхъ? Что я тебѣ говорилъ.

Тутъ только очнулся Иванъ и все понялъ. И засопѣлъ онъ носомъ и сказалъ: Мой батюшка. И палъ на колѣни передъ отцемъ, заплакалъ и сказалъ: Прости меня, батюшка, виноватъ я передъ тобой и передъ Богомъ.

Старикъ подвигалъ руками, перехватилъ въ лѣвую руку свѣчку и потащилъ правую ко лбу, хотѣлъ перекреститься, да не дотащилъ и остановился.

— Слава Тебѣ Господи! Слава Тебѣ Господи! сказалъ онъ, и скосилъ глаза опять на сына.

— Ванька! А Ванька!

— Что, батюшка?

— Чтожъ надо дѣлать теперь?

Иванъ все плакалъ.

— Не знаю, батюшка, сказалъ онъ, какъ теперь и жить, батюшка?

Закрылъ глаза старикъ, пошулявилъ губами, какъ будто съ силами собирался и опять открылъ глаза и сказалъ: Проживете. Съ Богомъ жить будете—проживете. Помолчалъ еще старикъ, ухмыльнулся и сказалъ смотри-жъ Ваня не сказывай кто, зажегъ. Чужой грѣхъ покрой, Богъ два проститъ. И взялъ старикъ свѣчку въ обѣ руки, сложилъ ихъ подъ сердцемъ, вздохнулъ, потянулся и померъ.

Иванъ не сказалъ на Гаврилу и никто и не узналъ, отъ чего былъ пожаръ.

И сошло у Ивана сердце на Гаврилу, и дивился Гаврило Ивану, что Иванъ на него никому не сказалъ. Сначала боялся его Гаврило, а потомъ и привыкъ. Перестали ссориться мужики. перестали и семейные. Пока строи-

лись жили обѣ семьи въ одномъ дворѣ, а когда отстроилась деревня, и дворы размѣстили шире, Иванъ съ Гавриломъ остались опять сосѣдями, въ одномъ гнѣздѣ.

И жили Иванъ съ Гаврилομъ по-сосѣдски, такъ же, какъ жили старики. И помнитъ Иванъ Щербаковъ наказъ старика и Божье указанье, что тушить огонь надо въ началѣ.

И если ему кто худое сдѣлаетъ, наровитъ не другому за то вымѣстить, а наровитъ, какъ дѣло поправить; а если ему кто худое слово скажетъ, наровитъ, не то, что еще злѣе отвѣтить, а какъ бы того научить, чтобы не говорить худаго, и такъ и бабъ и ребятъ своихъ учитъ. И поправился Иванъ Щербаковъ и сталъ жить лучше прежняго.

Конецъ.

лись жили обѣ семьи въ одномъ дворѣ, а когда отстроилась деревня, и дворы размѣстили шире. Иванъ съ Гавриломъ остались опять сосѣдями, въ одномъ гнѣздѣ.

И жили Иванъ съ Гавриломъ по-сосѣдски, такъ же, какъ жили старики. И помнитъ Иванъ Щербаковъ наказъ старика и Божье указанье, что тушить огонь надо въ началѣ.

И если ему кто худое сдѣлаетъ, наровитъ не другому за то вымѣстить, а наровитъ, какъ дѣло поправить; а если ему кто худое слово скажетъ, наровитъ, не то, что еще злѣе отвѣтить, а какъ бы того научить, чтобы не говорить худаго, и такъ и бабъ и ребятъ своихъ учитъ. И поправился Иванъ Щербаковъ и сталъ жить лучше прежняго.

Конецъ.

Не въ силѣ Богъ а въ правдѣ.

Хромолит. И. Д. Сытина и К°